

В августе отмечают Международный день бездомных животных

ДУНЬКА-СТО ГРАММ

МЫ УЖЕ ПОЛГОДА ЗНАЛИ, что заведем котенка. Просто надо было сначала привыкнуть к той потере.

Васька у нас был мальчик из хорошей семьи, а значит, кот твердых правил. Когда пришла брачная пора, мы долго надеялись договориться с ним без хирургического вмешательства. А он сначала приучил семью униженно наклоняться перед открыванием двери, чтобы перехватить его, окаянного, рвущегося в щель во двор. А после угрозами, попытками подкопов под входной дверь и ночными концертами вырвал право гулять на улице.

Выскакивал — и сразу в драку. Пропадал на несколько дней и занимался, вероятно, только своими кошачьими делами, не утруждая себя поисками пропитания. Возвращался через день-два, а то и через неделю усталый, но довольный: плоский, с рваными ушами, гноящимся глазом — бегом к кормушке и спать, разумеется, посреди дивана или развалился в кресле. На попытки призвать его к порядку грубил, от купаний отбивался, «антисекс» глотал без видимых последствий. Отъездался пару дней, зализывал раны и снова — до свидания. От бывшей нежности к хозяевам не осталось и следа: мы стали придатком к его еде и обиталищу.

Крайнюю меру, примененную к коту, — кастрацию — тяжело пережили всей семьей. Нас предупредили, что после операции он очнется через сутки, а он встал на ноги, едва вернувшись домой. Он так и остался хозяином жизни, хоть и потерял интерес к уличным развлечениям. По-прежнему на диване и в кресле лежал развалился — попробуй сдвинь! Вольного обращения с собой не допускал: резко выбрасывал к обидчику тяжелую когтистую лапу. Располнел, конечно, но резвости не потерял, просто солидности прибавил: тело при движении красиво играло. Только от тучности Васька утратил гибкость, не мог ухаживать за шерстью на спине — не доставал, а потому полюбил расчесывание щеткой. В общем, по молодости погулял налево и вернулся в семью барнином.

Он был с нами почти полтора десятилетия. За эти годы мы вырастили детей, подняли сад, построили дом, похоронили многих родных, притерпелись к новому

времени — прожили вместе с Васькой большую семейную историю. А через четырнадцать лет он сбежал. Мы уже слышали от знакомых истории ухода животных перед смертью, но примеривать их к Ваське не хотелось. Искали его по подвалам, обошли окрестные дома, окликая у подвальных окошек, повторяя обходы по утрам и вечерам. Третье утро я начала, как и предыдущие — с безнадёжного взгляда с балкона. На снегу палисадника издали была видна рыжая... тряпица, что ли. «Была она там вчера или нет?» — в напрасной надежде спрашивала я себя, обходя дом. Васька лежал мертвый, с разорванной шеей. Вокруг метра на полтора снег был измят, во все стороны вели кошачьи следы. Наш кот прожил отчаянную молодость и респектабельную зрелую жизнь и теперь умер, как положено звериному мужчине: в драке.

...И вот теперь — это безродное существо в подъезде. Сутки мяучило где-то в подвальном оконце у крыльца, потом переместилось к нашей квартире. Мы не отказали в пропитании, но серый комок требовал еще и ласки. А нам зачем привязываться к чужаку: садовый сезон в разгаре, и вообще — какие у бродяжки рекомендации, кроме блох? Кроха плакал в подъезде еще сутки, за нашу кормежку любил нас всей душой и бегал следом, с трудом преодолевая каждую ступеньку. Мы исправно выносили его на улицу вместе с едой, всякий раз закрывая за собой подъезд, но через несколько часов он снова оказывался у нашей двери. Когда на третий день мы вернулись домой из сада, он молча вжимался в ступени: сиротские слезы иссыхали.

— Сверху будут спускаться — не заметят, растопчут, — буднично подвела внучка бабушка к нужной мысли.

— Ладно, берем, — сдалась она.

И — ах, как с Дунькой перевернулась вверх дном вся жизнь. Пролечить бродяжку, приучить к туалету, «бояться» ее игривых нападениях из-за угла, обсуждать с домашними ее проделки — весу сто грамм, а сколько маленьких радостей!

Прежняя история семьи остается с нами, однако до Дуняши жизнь была слаженной, но будничной, и только ребенок — неважно, человеческий или звериный — мог так ее оживить.

МАРИА АНАШКЕВИЧ.

КОЛАЖ ИРИНЫ ЖУРАВЛЕВОЙ

Не дожидаясь «светлого будущего»

По предложению Международного общества защиты прав животных 16 августа вошло в календарь как День бездомных животных. Сколько таких в России, не знает никто. Но если на каждые пятьдесят людей приходится хотя бы одно бездомное существо, то это уже 2,8 миллиона ничейных кошек и собак, соответственно в Магнитке живут больше восьми тысяч бедолаг. Основной метод регулирования их численности в нашем городе — истребление. Это не камень в огород Спецавтохозяйства — решать вопрос нужно, а альтернативы не существует. Приюта нет. Был один, самодельный, — но когда денег мало, а животных много, то приют оборачивается концлагерем. Программы по стерилизации тоже нет — отлавливать животное, стерилизовать и вновь выпускать на волю стоит серьезных денег. Но можно, не дожидаясь «светлого будущего», помочь животным прямо сейчас. Кто как может.

ОБЩАГА ДЛЯ ЗВЕРЕЙ

А тут собака увязалась...

ОН ПРОСТО ПОПЛЕЛСЯ за мной, хотя я всего лишь его погладил да потрепал немного по морде.

Огляделся по сторонам в поисках хозяина, а того нигде нет, да, похоже, давненько. Мысль от том, что у меня будет жить стаффордшир, не очень радовала. Прикрикнул на него, чтобы сваливал откуда пришел. А ему по барабану. Зато мне — нет. В доме и так живут два кота и кошка: представляю, как они его «встретят». Да что там кошки. А мама? Вот где проблема.

Помню, как семь лет назад притащил с улицы полосатого котенка, который тут же нагадил на постель брата. Через несколько часов должна прийти с работы мать. Как ее подготовить, если она терпеть не может кошачье племя? Пришла. И со словами: «Я же терпеть не могу кошек!» — прижала малышка к груди. Но дня через три я уже жалел, что подобрал Мишку — так мы его называли: этот маленький монстр, когда я заваливался на боковую, доставал своим мяуканьем и хождением из конца в конец кровати. Успокоился он только через неделю.

Прошел год, Мишка подросток, но как был хулиганом, так и остался. А тут случайно, возвращаясь из гостей, наткнулся в подъезде на... котенка, очень похожего на Мишку. Эх, ну почему, когда животные маленькие — такие милые? Естественно, недолго думая, тут же засунул его за пазуху. Дома, незаметно

прошмыгнув в комнату, рассмотрел. Вроде кот... Ладно, потом разберусь, когда чуть-чуть подрастет, главное, чтобы Мишка не растерзал и мать не выкинула бы этот зоопарк вместе со мной на улицу. Михаил восторженно отнесся к новому жильцу — есть кого погонять по квартире, мама, к счастью, тоже. Решили прозвать Тишкой...

...Все-таки это оказалась кошка: через три месяца она заметно раздулась с боков. Тишка стала Тинкой, безмозглой, но очень красивой кошкой с огромными зелеными глазами. Плодом любви серых кота и «кота» стал черный котенок с белой манишкой на груди. Недолго думая над кличкой, назвали его Чернышом. Со временем Тинку стерилизовали, а котов кастрировали: хватит уже в доме живности.

А тут собака увязалась... Посидев вместе с ним в подъезде, решил — будь что будет. Все тем же макарон попытался незаметно провести новосела к себе в комнату. Понятно, мама заметила: ошарашенные коты прибежали «жаловаться» к ней. Пришлось долго и нудно объясняться и давить на жалость. Дали объявление в газету — безрезультатно. А там уже и коты привыкать к новому жильцу стали, правда, растолковав ему, что хозяева они, а он так — постоялец. Так Макс и остался у нас, дружит с Чернышом и регулярно получает когтями по морде от Мишки.

АНДРЕЙ КОЛЫВАНОВ.

Щенок перестройки

В ПОДОЛЕ

ПЕРЕСТРОЕЧНОЕ ВРЕМЯ, чья-то квартира, молодежная компания... Слова «тусовка» мы еще не знали. Что мы делали? Все вместе смотрели видик — было такое развлечение. А еще тогда никто не отмазывался от армии.

Один паренек Сергей, который пришел на побывку, рассказал, что его соседи взяли щенка, а потом выгнали на улицу. Щенок вернулся и теперь живет в подъезде. Все время скулит и мерзнет на бетоне, но выставить из подъезда его никто не решается — зима на дворе.

Вернулась домой. Сюжет того видика быстро выветрился из головы, а вот история со щенком не давала покоя. Легла спать. Проворочалась целый час — посмотрела на будильник: уже половина двенадцатого. Не давая себе одуматься, встала, быстро оделась, вышла из квартиры и тихо закрыла за собой дверь — чтобы не услышали родители.

Я знала, что Сергей жил в одной из пятиэтажек в соседнем дворе. Позвонить ему не могла — домашнего телефона не было ни у него, ни у меня, а сотовый считался фантастикой. Зато и железных дверей, не говоря уж о домофонах, тоже не было — поэтому я стала методично обыскивать каждый подъезд. Вверх-вниз, вверх-вниз... После первого дома я порядком запыхалась. А

когда снизила скорость, стало страшно: грязные темные подъезды, ночь, родители не знают, где я. Да и с чего я решила, что Сергей эту историю не придумал? Мало ли что парни рассказывают, чтоб произвести впечатление на жалостливых девчонок...

Я нашла щенка в предпоследнем подъезде. При виде меня он принялся громко визжать. По-моему, он еще не отчаялся и, надеясь на спасение, звал на каждом. Я очень обрадовалась ему, а он мне. В тусклом подъездном свете я не разглядела, есть ли у него блохи, но это было не важно: я засунула его за пазуху своей шубы из собачьей шерсти — помните, были такие и пахли соответственно? Щенок сразу почувствовал ко мне доверие, перестал скулить, лишь облизывал всю дорогу мой подбородок в приливе любви и энтузиазма.

Тихо зайти домой мне не удалось — из спальни вышел заспанный папа. Увидав меня и того, кого я ночью «принесла в подполе», он — спасибо ему — не стал сильно ругаться. Щенок оказался девичьей — маленькой, кудлатой, с глазами-пуговками и веселым нравом.

У нас в то время уже были две собаки, которых мы брали через клуб собаководства: модные в то время колли и миттельшнауцер. Поэтому щенка мы пристроили знакомым в деревню, и он там прижился: маленькой собачке все легче, чем большой. Да и что ей надо: кусок хлеба да чтобы хоть иногда погладили по кудлатой голове...

ЕВГЕНИЯ ШЕВЧЕНКО.